

УДК 304.3(47+576)«1917/1991»

ББК 63.3(2)6-75

Л33

Редактор серии Л. Оборин

Лебина, Н.

- Л33 Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города: 1917–1991 / Наталия Лебина. — 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 584 с.: ил. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-1951-7

Новая книга известного историка Наталии Лебиной состоит из исследований-этюдов, на микро- и макроуровне описывающих все стороны повседневности советского горожанина: от питания до развлечений, от выбора одежды до интимной жизни, от заключения брака до похоронных обрядов. Лейтмотив книги — специфическое развитие общецивилизационного процесса модернизации в советских условиях. Лебина пишет не только как исследователь, но и как свидетель эпохи: эпизоды из истории ее семьи выступают как примеры типичных ситуаций, в которые попадали советские обыватели.

УДК 304.3(47+576)«1917/1991»

ББК 63.3(2)6-75

На обложке: Танцы на платформе.
Фото из личного архива Н. Б. Лебиной

© Н. Лебина, 2023

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019; 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Историк и антропологический поворот: общее и сугубо частное	7
Акваланг <i>Любительский спорт: от гражданской обязанности к модному стилю поведения</i>	21
Бормотуха <i>Алкоголь в сфере советской социально-бытовой политики</i>	39
Волосатик <i>Волосы и власть: протест и контроль</i>	58
Галоши <i>Научно-технический прогресс и внешний облик горожанина</i>	76
Дикари <i>Одежда как гарантия приватности досуга</i>	95
Елка <i>Религиозные праздники в стране «безбожников»: инверсия досуговых норм и патологий</i>	115
ЖАКТ <i>Личная инициатива решения жилищных проблем: возможности и ограничения</i>	134
ЗАГС <i>Брачные институции и обряды: «советскость» и традиционность</i>	153
Интим <i>Сексуальные практики эпохи социализма: регламентация сферы приватности</i>	171
Красная косынка <i>Головные уборы: мода или социальная мимикрия?</i>	189

Лотерея	
<i>Соблазны азарта:</i>	
<i>формы государственного регулирования</i>	206
Макулатура	
<i>Художественная литература:</i>	
<i>характеристики культурно-бытового маркера</i>	224
Наркомания	
<i>Ретретизм в пространстве советской жизни</i>	243
Общежитие	
<i>Коммунитаризм в СССР: границы тела</i>	261
Проституция	
<i>Классика сексуальной коммерции</i>	
<i>в новых социальных условиях</i>	279
Рукоделие	
<i>Хенд-мейд и семейные архивы —</i>	
<i>источники по истории повседневности</i>	294
Смерть	
<i>Смена обрядов перехода: секуляризация бытовых норм</i> . . .	312
Танцы	
<i>Танцевальная культура в советском быту:</i>	
<i>политико-эротические характеристики</i>	328
Уплотнение	
<i>Жилищный передел: правовые и эмоциональные аспекты</i> . . .	346
Фабрика-кухня	
<i>Общественное питание: городские традиции</i>	
<i>и советские инновации</i>	366
Хрущевка	
<i>Слово и здание в контексте десталинизации</i>	382
Царица полей	
<i>Новые пищевые продукты в условиях дефицита:</i>	
<i>поиски выхода или инновации в сфере питания?</i>	401
Чипсы	
<i>Вестернизация еды в СССР</i>	416

Шуба	
<i>Веши эпохи химизации как инструменты деструкции сталинского гламура</i>	432
Электроприборы	
<i>Наука и техника в быту советского горожанина: веши и смыслы</i>	447
Юнгштурмовка	
<i>Вестиментарные знаки гендерного равноправия</i>	465
Язвы	
<i>Принципы конструирования социально-бытовых аномалий</i>	484
«Новый поворот, что он нам несет?»	
<i>Бытовизация/антропологизация исторического процесса — инструмент исследования прошлого</i>	500
Примечания	507
Библиография	525
Указатель имен	559
Предметный указатель	568

ИСТОРИК И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: ОБЩЕЕ И СУГУБО ЧАСТНОЕ

Сравнительно недавно я прочитала в LiveJournal следующие строки: «Суть в том, что никаких специфических „колбасных электричек“ в том СССР <...> не было. Миф о колбасных электричках в СССР возник уже после разгрома всего советского, он следствие специальной работы институтов пропаганды с человеческой памятью. Идеологи берут некоторый кусочек реальности из воспоминаний и навязчиво толкуют его в своих интересах... „Колбасные электрички“ — миф, их никогда не было в том виде, в котором нам их подают. Даже сам термин и знаменитый анекдот я в СССР никогда не слышал до перестройки»¹. А когда высказывания подобного рода я услышала и в публичных псевдопатриотических выступлениях, идея, структура и, главное, название новой книги о советском быте стали для меня очевидными.

Я попытаюсь представить обыденную жизнь как историко-социальное полотно, написанное, если так можно выразиться, в манере пуантилизма. Конечно, это метафора. Ведь «отдельными точечными мазками» (технический прием пуантилизма) будут являться небольшие самостоятельные тексты, которые я называю «этюдами». Их совокупность должна представить целостное изображение быта российского города в советскую эпоху. В качестве названий этюдов выступают возникшие в советской действительности или видоизменившиеся под ее

влиянием слова и словосочетания. Это названия вещей, продуктов, социальных типажей, явлений и институтов, существовавших в бытовом пространстве.

На первый взгляд может показаться, что моя новая книга, в которой материал — 27 этюдов — расположен в алфавитном порядке, — это вариант словаря². Но это не так. Мне представляется, что написание тематических словарных справочников, претендующих на воссоздание картины обыденной жизни конкретной исторической эпохи, — задача, которую можно осуществить лишь совместными усилиями профессионалов: историков и лингвистов. Именно поэтому я предпочла ныне написать по сути дела сборник статей (этюдов) о советском быте.

Выбор тематики в первую очередь определяется авторским дискурсом. Право на составление текстов по такому принципу в остроумной форме изложил известный лингвист и философ Вадим Руднев. Он считает, что даже в словари можно включать «те слова и словосочетания, которые понятны и интересны нам самим»³. Конечно, мне, имеющей в своем научном арсенале достаточное количество исследовательских работ, посвященных разнообразным проблемам истории обыденности в рамках советской системы, нелегко представить читателю нечто совершенно новое. Некоторые сюжеты моей новой книги были частично затронуты в статьях и монографиях, опубликованных в 1982–2015 годах. Но в нынешнем тексте я попыталась показать необычные ракурсы изучения проблем повседневности. Так, в качестве знакового для жизни в СССР слова на букву «А» я выбрала не «аборт» — явление, над которым много размышляла и как исследователь, и как публикатор⁴, а «акваланг». Эта лексическая единица, появившаяся в русском языке в 1960-х годах, у меня ассоциируется с процессом изменения роли спорта в жизни советских людей. Интересным мне представилось и рассмотрение через оптику социальной истории существительного «шуба» в сочетании с прилагательным «искусственная». В этом понятии

можно разглядеть вестиментарный код распада установок «сталинского гламура» — бытовой составляющей большого стиля. Он, как известно, был основан на принципах навязчивой презентации роскоши и респектабельности, как в архитектуре, так и в одежде.

Анализ социально-бытового смысла аббревиатуры ЖАКТ позволяет с неожиданной стороны раскрыть проблематику обеспечения советских граждан жильем. В научном и общественном дискурсах сегодня превалирует точка зрения о преднамеренном закабалении городского населения посредством жилищной политики в СССР⁵. Отрицать это бессмысленно, тем более что разворачивающаяся ныне спешная реновация хрущевок в Москве — лишнее доказательство того, что власть манипулирует бытовыми проблемами населения в своих интересах. И тем не менее для понимания противоречивости характеристик советской повседневности следует знать, что в 1920–1980-х годах государство неоднократно предлагало способы решения «квартирного вопроса» за счет личной инициативы населения. Правда, контуры российской обыденности 1917–1991 годов, сформированные при отсутствии частной собственности и в идеологических тисках господства единой коммунистической идеологии, тормозили развитие индивидуальных начинаний.

Еще больше проблем в реконструкции картины советского быта, как в сфере науки, так и в области общественного сознания, позволяет выявить словосочетание «колбасный(ая) поезд (электричка)». Его существование в пространстве русского подцензурного языка зафиксировано филологами, отслеживавшими появление новых слов и выражений в 1990-х годах: «колбасными» назывались электропоезда, «на которых в период продовольственного дефицита в 1970–1980-е годы совершались поездки из провинции в Москву и другие крупные города за продуктами и за бывшей тогда дефицитной колбасой (публ. ирон.)»⁶. «Колбасные электрички» фигурируют и в ряде

словарей советской повседневности⁷. Однако ни филологи, ни антропологи, ни даже историки не осмеливаются датировать возникновение на первый взгляд забавного вида транспорта для перевозки мясных изделий. Подобная ситуация и наводит на мысль о том, что «колбасные поезда» как некий символ товарного дефицита в СССР в 1970–1980-х годах — миф, созданный журналистами для очернения советской повседневности. Об этом и писал блогер в своем «Живом журнале». Конечно, в СССР никто умышленно не формировал спецсоставы для массовых закупок колбасных изделий в Москве и доставки их на периферию. Во всяком случае, пока документально-го подтверждения этих фактов, в отличие от существования в 1970–1980-х годах «лыжных стрел» — электричек для любителей зимнего спорта, — обнаружить не удалось*. Но реально можно считать саму идиому «колбасный(ая) поезд (электричка)», что легко подтвердить с помощью целого комплекса исторических источников. Например, фольклор эпохи Брежнева зафиксировал датированный 1979 годом анекдот, который вполне мог породить словосочетание, соединяющее продукт питания и средство передвижения: «Что такое: длинное, зеленое и пахнет колбасой? — Электричка из Москвы»⁸.

Изыскания фольклористов являются хотя и косвенным, но впечатляющим подтверждением целого ряда процессов, стремительно развивавшихся в советском быту 1970–1980-х годов. В первую очередь это продуктовый дефицит, связанный с деструктивными тенденциями в сельском хозяйстве. Информация о проблемах с продовольствием в городах СССР в эпоху брежневского застоя ныне не секрет⁹. Конечно, в это время

* Л. В. Беловинский не подвергает сомнению факт существования в 1970–1980-х годах дополнительных пригородных субботних и воскресных электропоездов в Москву из соседних областей. Более того, автор энциклопедического словаря советской повседневности без ссылок на источники информации смело утверждает: «Каждый секретарь обкома в условиях продовольственного дефицита считал для себя долгом и большой честью добиться такой дополнительной электрички» (Беловинский 285).

голод советским людям не угрожал, но многих продуктов, и прежде всего мяса, явно не хватало. Не случайно ЦК КПСС и Совет министров СССР разработали в мае 1982 года «Продовольственную программу». Цель документа — в возможно короткие сроки, к 1990 году, решить проблему бесперебойного снабжения населения продуктами¹⁰. Программа сразу стала предметом фольклорного творчества. Уже в 1982 году появились анекдоты: «Что будет в СССР после выполнения „Продовольственной программы“? — Всеобщая перепись оставшегося населения», «Новый лозунг: „Умрем с голоду, но „Продовольственную программу“ выполним“» и др.¹¹ Эти тексты — вполне надежное свидетельство дефицита продуктов питания в СССР уже в предперестроечное время. В 2002 году писатель Леонид Жуховицкий опубликовал в «Литературной газете» статью «Анекдот против статистики», где настоятельно рекомендовал «будущим историкам, специализирующимся на советской жизни, изучать не статистические таблицы, а анекдоты». «Истина — там!» — утверждал литератор¹². Осмелюсь добавить — а нередко и в идиоматических выражениях.

Знаковым в контексте советских бытовых реалий является и то, что в названии «продуктовых» поездов фигурирует прилагательное «колбасный(ая)», а не «мясной(ая)». Объяснить это можно переменами в структуре питания в результате увеличения численности городского населения. У горожан традиционно отличные от селян пищевые ориентиры, но в СССР к специфике городской культуры еды уже в 1960-х годах прибавился феномен некоего «извращенного вкуса», порожденный нарастающим дефицитом. Определенные продукты превратились в неофициальные, но устойчивые маркеры положения человека в системе социальных связей. Касалось это и мясных деликатесов. Искусствоведа Михаила Германа уже в начале 1960-х годов поразило «невиданное барство» его московских родственников — партийных чиновников среднего уровня. В их доме в избытке были уже малодоступные обычным людям

продукты. При этом за столом, по воспоминаниям Германа, все «накладывали себе на тарелку толстые ломти карбоната, ветчины, дорогих колбас, сыра и лопали их, заедая тонкими ломтями хлеба с маслом»¹³. Такая еда не соответствовала принципам здорового питания, но демонстрировала принадлежность либо к номенклатуре, либо к клану торговых работников. На рубеже 1970–1980-х годов «престижность» потребления колбасы — не слишком полезного продукта — достигла апогея. И это аккумулировала в себе идиома «колбасная электричка».

Забавное выражение, благодаря наличию в нем существительного, означающего название транспортного средства, свидетельствовало и об особой стратегии выживания советских людей. Она основывалась на идее самообеспечения, которое можно было реализовать, в частности, посредством поездок. В эпоху Гражданской войны появился феномен «мешочничества». Тогда горожане в теплушках выезжали на периферию менять вещи на продукты. Советские курортники всегда везли с юга недоступные горожанам средней полосы и Севера фрукты и овощи. Помогали выживать в условиях дефицита и поездки, перевозившие «челноков» эпохи горбачевской перестройки. Кроме Москвы и Ленинграда, а также столиц союзных республик «заповедными» местами, где относительно свободно продавалось прежде всего мясо, были и города закрытого типа. Такие научно-производственные поселения вошли в советскую послевоенную историю под названием ЗАТО (закрытое административно-территориальное образование). Наукограды, где исследовательские лаборатории входили в крупные производственные структуры, представляли собой модель идеальной жизни в государстве Советов¹⁴. Жительница одного из таких уральских ЗАТО свидетельствовала: «Нам казалось, что мы живем уже при коммунизме. В магазинах было все — от крабов до черной икры»¹⁵. Кроме постоянных жителей «отовариться» в ЗАТО могли люди, командированные на секретные объекты. Горьковский инженер, начальник расчетного бюро тогдашнего

секретного научно-конструкторского учреждения ПНО ГАЗ Владилен Денисов рассказывал о внезапном «счастье», свалившемся на него в одной из командировок на Урал. Попав в годы застоя в закрытый город — Новоуральск, он смог привезти домой, в Горький, 2 кг шашлыка¹⁶! В данном случае дефицит был доставлен самолетом, а не «колбасной электричкой».

Эпизод из воспоминаний нижегородца подчеркивает идиоматический характер выражения «колбасный поезд», запечатлевшего специфику снабжения и шопинга в последние 20–25 лет существования советской власти. В стране не хватало не только продовольствия, но промышленных товаров, что усугублялось нелепостями системы планирования. В небольшие городки и поселки городского типа часто завозили совершенно не востребованные там предметы одежды и обуви. Эту диспропорцию зафиксировала художественная литература 1970-х годов, например роман Виля Липатова «И это все о нем» (1974). Небольшой полудеревенский магазинчик в сибирской глубинке поразил героя липатовской книги небывалым изобилием: «В Сосновском орсовском магазине на нестроганных прилавках лежит весь мир <...> Коричневая кофточка <...> была изготовлена во Франции, голубая курточка с восхитительными замками и висюльками приплыла в поселок из Японии, нейлоновые рубашки были упакованы в Югославии, мужские плащи были с чешскими этикетками; чулки лежали итальянские, термосы — индийские, детские гольфы — болгарские <...> В Сосновку, в Сосновку, городские модницы! За <...> лаковыми высокими сапогами, для которых в Сосновке нет асфальта <...> Здесь носят отечественные резиновые и кирзовые сапоги, курткам с замками и висюльками пока предпочитают телогрейки»¹⁷. Неудивительно, что жители крупных городов из командировок на периферию везли разные вещи, которые, конечно, поступали в торговые сети мегаполисов, но очень быстро там раскупались <...> Так, самолеты и поезда дальнего следования становились разновидностью

«колбасных электричек». В общем, если назвать один из этюдов к картине советского быта «Колбасный поезд», я бы дала этой части книги следующий подзаголовок: «Идиомы и анекдоты как источник по истории эпохи застоя». Исследователя не должно пугать отсутствие понятия «колбасная(ый) электричка (поезд)» в словарях неологизмов брежневского периода истории СССР. Экзотическое словосочетание намекало на странности советской повседневности и, конечно, не встречалось в подцензурной лексике.

Сюжет с «колбасной электричкой» введен мною в предисловие не только потому, что я хочу прояснить смысл ряда мифов о специфике советского быта и не слишком скучно рассказать читателям об использовании фольклора в качестве исторического источника. Есть у моего нового текста и «сквозная задача». Вернее сказать, следуя алгоритму, предложенному когда-то Константином Станиславским, я должна осуществить некое «сквозное действие», чтобы решить главную задачу текста и ответить на вопрос, каким все же было советское общество: традиционным или современным (модерным). Сквозным же действием будет приобщение историка-традиционалиста к «антропологическому повороту» в гуманитарном знании.

Сам термин «антропологический поворот» пока еще остается в российском интеллектуальном пространстве предметом научных споров. Именно так я расцениваю дискуссию на страницах 113-го номера журнала «Новое литературное обозрение». На моей памяти исследователя-историка, начавшего свой профессиональный путь на рубеже 1960–1970-х годов, проходили бурные дискуссии — правда, в рамках единой и единственной на то время методологии, — о том, каково историческое наполнение понятия «культурно-технический уровень рабочего класса». Историки изо всех сил пытались найти инструменты влияния рабочих на создание произведений литературы и искусства. Теоретики продуцировали слоганы, которые с трудом увязывались с жизненными реалиями и прошлого, и текущего

момента. В качестве примера приведу идеи «развитого социализма» и «союза труда и науки». В 1980–1990-х годах отечественные гуманитарии темпераментно обсуждали проблемы ментальности, активно генерируя разнообразные определения этого термина. Затем дискуссия развернулась по поводу общего и особенного в понятиях «история ментальности» и «историческая антропология»¹⁸. Однако понятийные споры не приносят должного результата. Не антропологизуют прошлое и новые, не совсем обычные для отечественных историков темы исследования. Так произошло с книгой Сергея Журавлева и Юкки Гронова «Мода по плану»¹⁹.

Журавлев — сотрудник Института Российской истории РАН — совершил научный подвиг. Известно, что академическая тяжеловесность не позволяет отечественным ученым, специализирующимся, в частности, в области гражданской истории России XX века, выходить за рамки традиционных представлений об «истинно научных темах» и заниматься изучением социального феномена моды в историческом контексте. Журавлеву и Гронову удалось выстроить академическую модель развития советской модной индустрии. Их книга — аналитическое, хорошо фундированное повествование об административно-организационной стороне моделирования одежды в СССР. Но «антропологический след» в тексте отсутствует, что во многом объясняется спецификой источниковой базы исследования: обилием нормативных и делопроизводственных документов моделирующих организаций.

Конечно, и источники такого рода можно при желании «очеловечить». В моей исследовательской практике было достаточно подобных ситуаций. Так, ценные сведения именно антропологического, связанного с поведением и эмоциями людей, характера удалось обнаружить в сугубо официальных бумагах — протоколах заседаний комиссии при подотделе благоустройства отдела коммунального хозяйства Ленсовета в конце 1924 — середине 1925 года. Члены комиссии, в том

числе представители научной и художественной интеллигенции, вынужденно обсуждали бредовую идею постановки на Александровскую колонну в центре Дворцовой площади фигуры Ленина²⁰. Стенограммы заседаний комиссии — внешне формальные документы государственной организации (Ленсовета) — дают представление о практиках выживания «спецов» в условиях идеологического диктата большевиков. Иронические предложения интеллектуалов обрядить фигуру Ленина в тогу, а красноармейцев «в амфирные одежды» — документальное свидетельство накала эмоций в сфере культуры в середине 1920-х годов.

Антропологический след можно обнаружить и в официальных, поддающихся формализации документах. Пример — так называемые «мебельные дела». Они формировались в 1918–1922 годах в ходе «квартирного или жилищного передела» (подробнее см. «Уплотнение»). Сочетание четких анкет с сугубо индивидуализированными заявлениями и жалобами позволяет понять, что чувствовали люди, терявшие и обретавшие материальные знаки социального благополучия — квартиры и мебель. «Мебельные дела» — репрезентативные материалы для изучения антропологии классовой ненависти.

И все же традиционно считается, что детали быта лучше всего отражены в текстах личного происхождения, с характерной для них повествовательностью. Они не только констатируют факты, но и передают индивидуальный подход автора к событиям и явлениям, а также разнообразные эмоции. Эти качества во многом присущи произведениям художественной литературы, написанным во время или сразу после определенных исторических событий. Историки давно и многократно обсуждали ценность такого нарратива для реконструкции прошлого. Лев Гумилев, например, отмечал: «Каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником, но не в смысле буквального восприятия его фабулы, а само по себе, как факт, знаменующий идеи и мотивы

эпохи. Содержанием такого факта являются его смысл, направленность и настроенность, причем вымысел играет роль обязательного приема»²¹.

Я буду часто использовать художественные произведения, прозу и поэзию, созданные в советское время представителями разных литературных направлений. Писатели — современники описываемых событий, придерживавшиеся реалистического метода, — «по умолчанию» были точны в передаче именно деталей быта. Достоверность художественной литературы подтверждается и тем, что одни и те же бытовые факты зафиксированы и у явных апологетов коммунистической власти, и у литераторов-диссидентов, и у тех, кто смог найти золотую середину в изображении советской действительности. Одновременно в книге будут встречаться и отсылки к привычным эгодокументам: дневникам, письмам, воспоминаниям, как опубликованным, так и извлеченным из архивов.

Целенаправленное аналитическое чтение разнообразных исторических источников сформировало авторский дискурс. Однако не меньшее влияние на него оказал и опыт собственной обычной жизни человека, «рожденного в СССР». Мои родственники и я много чего повидали за 74 года советской власти. Среди нас были люди, создавшие свой капитал и потерявшие его после революции, были те, кого «сажали», и те, кто «сажал», были ушедшие в мир иной в почтенном возрасте и благополучии, и те, кто в разочаровании выбрал путь физического самоуничтожения. Предки поселились в Петербурге на рубеже XIX–XX веков. В семье уже пять коренных городских поколений. Представители трех из них родились и выросли в советской действительности. Перемены, которые принесла революция 1917 года, выпали и на долю моих родных. Они познали горечь несбывшихся надежд эпохи нэпа, испытали трудности довоенных пятилеток, Финской кампании, блокады и Ленинградского фронта. Вместе с ними я соприкоснулась с нуждой обыденной жизни «воинов-победителей», восторгами и разочарованиями

времени десталинизации. И старшее, и среднее, и молодое поколение нашей среднекультурной питерской семьи не впади в психоз «вещизма», в искус диссидентства и в соблазн «исхода» в годы брежневско-романовского застоя. Мы преодолели проблемы перестроечного времени и нашли смысл существования в новых реалиях развития российского общества. Я не стыжусь обыкновенности моей семьи. Мы действительно питерские обыватели.

Несмотря на превратности судьбы, революции и войны, в нашем доме сохранился некий «фонд» личных документов. Это трудовые книжки и удостоверения личности, всякого рода благодарственные грамоты 1920–1940-х годов, принадлежавшие моим бабушкам и дедушкам; это семейные письма Великой Отечественной войны и мирного времени; это даже детские записки, которые отправлял мой сын из пионерского лагеря во второй половине 1980-х, и, конечно, фотографии. Но до настоящего времени никто из моих близких не посчитал возможным использовать неоспоримое преимущество старости — право писать мемуары, что стало особенно популярно в контексте всеобщей компьютеризации населения. Профессор Университета Тампере Ирина Савкина справедливо охарактеризовала эту ситуацию сегодняшнего времени: «Вопрос о том, кто имеет право на автобиографию и другие формы публичной саморепрезентации, который в былые времена так смущал бравшихся за перо, уходит в вечность вместе с этим самым „вечным пером“. Во времена, когда „наш бог — блог“, ответ на этот вопрос очевиден: таким правом и возможностью наделен каждый»²².

Действительно, вспоминают ныне многие, но... Как профессиональный историк я прекрасно понимаю, что ценность материалов персонального происхождения зависит или от масштаба личности, решившей поведать о себе в потоке времени, или от причастности мемуариста к неординарным событиям. В моем случае нет ни того ни другого, и все же я хочу

включить в эту книгу мои личные впечатления о советском быте. Однако, чтобы не погрязнуть в мелочах, интересных лишь для себя и узкого круга знакомых, я буду комментировать исследовательский текст об истории повседневности личными и семейными воспоминаниями. Кстати сказать, это позволит приблизиться к методикам антропологического исследования повседневности, в числе которых — так называемая микроистория. Отчасти причиной включения в исследовательский текст собственных мемуаров стала позиция некоторых специалистов по социальной истории, которые неоднократно отмечали, что необходимо писать об истории повседневности с позиций собственного эмоционального восприятия предметного мира прошлого²³. Воспоминания — самая удобная и в то же время безопасная форма реализации этой идеи, хотя для создания серьезной мемуаристики прежде всего необходим талант. А он как деньги: есть — есть, а нет — значит, нет. Впрочем, и здесь могут прийти на помощь профессиональные навыки и знания. В 1930-х годах работники Истпарта (научно-исследовательского учреждения) провели несколько вечеров воспоминаний участников обороны Петрограда в годы Гражданской войны. Это были мемуарные выступления на заданную тему и по определенным опросникам, подготовленным историками²⁴. Конечно, стенограммы вечеров необходимо подвергать верификации, как любые другие источники, но заданность темы явно дисциплинировала мысль мемуаристов. Так будет и в моем случае. А конкретность предмета воспоминаний провоцирует, казалось бы, совершенно неожиданные ассоциации. Но ведь они, как подчеркивал Константин Паустовский, «теснейшим образом участвуют в творчестве»²⁵. Осмелюсь уточнить — как в литературном, так и в научном.

Написанная в двух жанрах — исторического исследования и воспоминаний, — моя новая книга представляется достаточно рискованным экспериментом. Однако надеюсь, что обилие

в этюдах фактического материала, извлеченного из самых разнообразных и достаточно традиционных источников, защитит меня от агрессивных критиков. А присутствие личных сюжетов позволит парировать нападки тех оппонентов, которые по поводу исследований сравнительно недавнего прошлого всегда заявляют: «Обычные люди так не жили!» Жили! И выражение «колбасный поезд» вполне может быть метафорой для описания реалий быта среднего советского горожанина.